

ПУТЕШЕСТВИЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ и на Кольский полуостров (записки путешественника)

Владимир Александрович Снатенков,
путешественник (побывал более чем в 150 странах мира),
действительный член Русского географического общества,
Санкт-Петербург

Рассказ о школьном походе, в котором зарождается дружба, проявляются доброта и взаимопомощь, закаляется характер.

- путешествия • бюрократия • детский туризм • дружба • взаимопомощь
- товарищество

Состав группы

Когда я организовывал эту поездку, то жалел, что ввязался в безнадежное дело: у меня не набиралась группа в Россию. Русские люди в Гамбурге — не немцы: заранее не планируют, но всё равно раскachaются на поездку. И группа действительно оказалась набрана с избытком.

Некоторых деток в воскресной русской школе я обхожу стороной и радуюсь, что они не просятся в путешествие. Они путешествуют и живут в виртуальном мире, родители их избаловали и с ними — одни капризы. Есть ещё мамы, которые хотят пойти в поход вместе с детьми. Поход школьников с родителями —

опасное предприятие. Школьники далеко не всегда жаждут быть под опекой взрослых, из которых волей-неволей вырывается воспитательный или охранительный инстинкт. И мне кажется, здорово я придумал: не брать с собой в походы родителей.

Куплены билеты на самолёт для гамбургских школьников, поставлена российская виза тем, у кого немецкие паспорта, мы прилетаем в Петербург и объединяемся вместе, удивляясь, как нас много. Непросто всё это организовать. Если взять в помощники несколько родителей, то путешествие будет испорчено, потому что родители кинутся детей обслуживать. В этом походе всё-таки набралось очень много надёжных старшеклассников, с ними можно будет затевать и дерзкую программу. Гвоздём программы намечался категорийный (спортивный) поход.

Бюрократия в детском туризме

Как бы ни была трудна организация путешествия с детьми, сложнее всего одолеть бюрократию, делающую всё, чтобы настоящих походов со школьниками не было. Чиновничье удушение нормативами, запретами, справками, предписаниями добило детский туризм в России, который как-то существовал в СССР. Детского туризма, надо сказать, нет и в Европе. Капитализму угодно, чтобы все продавались турфирмам. Для железной дороги, например, если купить билеты всем в один вагон на Мурманск, нужно, чтобы мы объявили себя организованной группой. Но для этого у нас должен быть свой врач, свои педабработники, группа должна иметь финансовую печать, в ресторане кормиться и т.д. Ко времени, когда наша группа собралась вместе, у меня был отдельный рюкзак на 40 литров для паспортов, билетов и невероятного количества справок. Каждая справка представляет собой крокопиийство. Как будто бы волокита обеспечивает порядок или безопасность. Глядя на рюкзак с документами, я воображал, как понесём мы это материализовавшееся юридическое умопомрачение через категорийные перевалы.

Кроме того, нам нужно было оформить регистрацию иностранцев. Это ещё один вид параноидальной заботы, а заодно и контроля. Всей бюрократии, которая потребовалась для проведения всего лишь двухнедельного активного отдыха школьников, не перечислить. Вся она, разумеется, для благ и безопасности людей.

В Петербурге

Мы заселились в квартире и побили рекорд по Петербургу. 37 человек в трёхкомнатной квартире. Если бы мы поселились не кучей, а по номерам в гостинице, мы бы долго знакомились. Петербург закружил нас в летних экскурсиях. Сразу с самолёта, едва поужинав, отправляемся по ночному городу смотреть разводные мосты, набережную Невы, Стрелку Васильевского острова и заодно знакомиться друг с другом. В каждой группе есть ветераны и новички. Ветераны искренне радуются встрече: расспросы, рассказы, счастливые лица, хохот. Новички подчиняются общей атмосфере и приглядываются ко всем.

ЛЕТНИЕ ЛАГЕРЯ. ТЕХНОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

На другой день я провожу инструктаж, начав разговор с похода.

Первое: поход будет настоящий, категорийный. Придётся одолевать и снег, и идти по скалам. Родителям я, может, нарисовал картину помягче. Официально мы заявлены в контрольно-спасательной службе, где, к счастью, работает мой давний приятель. С нами Николай Васильевич Червоненко — мастер спорта по альпинизму.

Второе: нас много, и поэтому говорить я должен тихо. Есть учителя в школе, которые громко голосят в классе, и их никто не слышит из-за шума. Нужно научиться всем слышать друг друга, а не только себя. Нужно слышать распоряжения и мои, и коменданта, и завхоза, и дежурных, и старших палаток. На этом строится наше самоуправление.

Третье: все взрослые являются рядовыми участниками, и им запрещается вмешиваться в управление, дежурство или наводить порядок. Группа должна управляться выбранным активом школьников. Если понадобится помощь, я взрослых об этом попрошу. Взрослым разрешаются творческие выходки: петь, плясать, сочинять стихи; пусть они привнесут в поход не опеку, а свои интересные личности.

Инструктирую группу и вижу, как внимательно и с пониманием меня слушают те, кто и так бы слушал, и как не вмешивается несколько человек, в основном сосредоточенных на себе. За самыми болтливыми младшими закрепляю строгих старших.

В поезде

Если группа вменяемая, со школьниками в поезде ездить здорово: можно перепеть все старые песни и выучить новые. До Мурманска ехать сутки. Нельзя не заглядывать в окна, когда открываются панорамы с заливов и озёр.

И какие леса кругом! И солнце! Вот бы оно нам посветило на маршруте. Красота проплывает под стук колёс, и дети уже млеют от романтики севера... Можно сказать, что группа почти интеллигентная. Многие пишут дневники, пара человек рисует, кто-то читает... А кто-то играет втихаря в карты. Карты мной изымаются.

— Почему нельзя играть в карты? — спрашивает Глеб.

— Вечером специально расскажу об этом всем поподробней. А сейчас коротко: в карты любят резаться те, кто привык пусто проводить время, и ещё эта игра для некоторых — переходный мостик к глупостям.

Глеб ухмыляется и мне не верит, как и его сотоварищи. И я не знаю, как их убедить, что это проверено: сколько групп перевозил в поездах — ничего другого не видел. Вечером, может, и не надо будет пускаться в объяснения. Втянемся в песни, которые все будут разучивать.

Мурманск

В Мурманске мы тоже пели. Ночевали в гостинице две ночи, а вечером к нам в гости пришли несколько походников и бардов из городского клуба. Получилась ещё одна творческая встреча с совместным репертуаром.

В гостинице, предназначенной для туристско-школьников, нет кухни, а главное — нет кострища на территории, чтобы можно было посидеть вечером у костра. Это сегодняшняя мода на школьный туризм: вместо походов и костров — ресторан и Интернет по комнатам. Кухни нет, а привозной ресторан есть. Но мы всё-таки настоящие туристы: варили двое суток еду под носом у пожарников и не были замечены ни ими, ни вахтёрами гостиницы. Школьники мои как-то за просто понимают, где правда, и с большой сообразительностью пренебрегают правилами, которые против людей.

Билеты из Петербурга в Мурманск и обратно у нас были куплены заранее, но нужно ещё добраться на маршрут в Имандру.

Имандра — типичная деревушка севера: разрушенная, помирающая, с перекошенными заборами и несколькими пьяными привидениями. Чтобы у детей меньше стало удручений, лучше было сразу покинуть селение. Мы удачно вышли на тропу и оказались на свободе. Наконец-то природа, да какая!

Категорийный поход

Пройдя километра два, сделали привал на реке Гольцовке. Река перекастная, вода как слеза и студёная. Но светит ярко солнце и несколько человек идут купаться. Снова топаем, и удивительное дело: ни одного слабоидущего. Николай Червоненко удивляется прыти детской группы, он привык ходить только с серьёзными альпинистами. Злополучный рюкзак с документами несём по очереди. Мне про него нужно помнить всегда, и я, кажется, уже с ним разговариваю. Затем переупаковываю его в свой рюкзак, в котором котлы, ремнабор, палатка, и сосредотачиваюсь на группе. Идём дальше по лесу. Удивительная погода и просторная поляна у реки. Река после поворота выходит на прямую линию, которую окаймляют ели, а выше выпирает покатым горный массив, покрытый тундрой. Какая перспектива и какие краски! Не сюда ли нужно возить художников на пленэр! И прекрасное место для палаток.

Дежурные готовят ужин на костре. Между двух сосен натянут специальный трюсик — изобретение туристско-лыжников, и на нём висят котлы, подвешенные на крючья. Дров принесли гору, и этому предшествовала целая лекция: что такое дрова, какие из них горят, где их набрать после дождя. Всё идёт ладно, и ужин созревает. Полярный день сбил всех с толку, и у нас ощущение обеда. Правда,

активизируются комары, и народ переходит к реке, где ветерок их сдувает. Алла и Алёна рисуют обозреваемый пейзаж. С ними рядком на берегу сидят в романтическом настроении ещё старшие девушки. Чтобы не нарушалась идиллия, я послал с Пьером нескольких младших мальчиков на полезную работу. Надо было переломать принесённые дрова и накрыть их от возможного дождя. Кучу дров с человеческий рост одиннадцатилетки покروшили за полчаса. Удивительны были и скорость работы, и педагогические качества Пьера: надо ж так организовать энергию в мирных целях.

Здесь надо познакомиться с тружениками. Егор из Финляндии весь состоит из лишних движений, руки у него всегда делают ненужную работу или вредную, например, он трёт стену, стучит головой о пианино, когда все слушают гитару, стучит и сучит одновременно руками и ногами. Кроме Егора, подвижны и ловки, как черты, Глеб и Игорь. К ним примыкает Коля. Он менее подвижен, но более говорлив. Обычно таким детям ставят диагноз — гиперактивность. С такими детьми тесно всем окружающим, им нужна размеренная, плавная и большая нагрузка.

Маршрут с рюкзаком обычно успокаивает всех, только результат наступает не сразу, дней через 5—6, как раз к концу похода. Но первые дни с буйными обязательно придётся повоевать.

Буйность не самая тяжёлая черта в детях. С ней нередко соседствует болтливость. Болтливых на тропе не любят, а на трудной тропе они ещё и опасны. Если к гиперактивности добавляется эгоизм — это уже тяжёлое сочетание характера. Но эгоизм в полной мере обозначится к концу похода, и о нём будет уместно больше сказать по ходу событий.

Тропа, по которой мы идём, не засорена, поляны убраны, и этим отличаются туристы, следующие по маршрутам с рюкзаками от пикниковых зон на автомобилях. Сосновые леса на севере невысокие, стволы деревьев выстроены часто, а трава между ними низкая, тундровая. Где просторнее, там растут кустарники. Глаз не нарадуется природной красоте. Воздух пьянит запахами. Однако сегодня будет трудный день. Нам нужно одолеть перевал Юж-

ЛЕТНИЕ ЛАГЕРЯ. ТЕХНОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

ный Чорргор или отступить назад в случае плохой погоды.

На пути — первый приток Гольцовки. Снимаем обувь, закатываем штаны выше колен и пускаемся в широкий брод. Вода холоднющая, можно сказать, ледниковая. Визжание и завывание оглашают лес, но это ещё неглубокая переправа — потом привыкнем мокнуть, и даже купаться понравится. На склонах Хибин лежат пятна снега, из-за которых много воды в реках. Тропа постепенно поднимается в гору, но ни одного отстающего или ноющего. Не в каждом походе у нас такой прочный состав. На притоке Часнойок (названия кругом лапландские) приходится устраивать переправу при помощи верёвки. Половина ребят не могут переправиться с рюкзаками, за их ношей возвращаются старшие ребята 16—17 лет. Пара человек на переходе не удержалась и хорошо окунулась, но вещи в рюкзаках сухие и переправа не затянулась.

Но вот сам факт: в путешествие выехало пять простывших и кашляющих школьников, а вернулись все здоровыми! Таково закаливающее действие природы и активного отдыха. За многие годы моих походов этот факт стабильно подтверждался. Ни родители, ни дети не возражают против настоящих маршрутов, но не дай бог про студёную воду прослышат чиновники. Да и вообще сказать — предрассудки, в том числе медицинские, устойчивое явление во многих головах.

Топаем дальше, выходим на тундру. Параллельно тропе течёт река, а впереди далеко видна скальная стена. Перевала не видно. До подхода к нему ещё, пожалуй, два часа. С одной стороны возвышается долго тянувшийся скальный массив, который делает долину грандиозной. Тропа теряется на камнях, между которыми струится вода. Мы вышагиваем по камешкам, поднимаемся по холмам и внизу обнаруживаем

довольно обширное озеро. Выше озера выступает резко вверх перевал. Он покрыт сплошной мореной — огромными валунами. Внизу перед мореной лежит пятнами снег. Перевал настораживает всех нагромождением чёрно-серых глыб и мрачной погодой. Седловина перевала периодически накрывается плотным туманом.

Снежный человек

Здесь можно представить ещё несколько человек из старших, которые не первый раз в походе. Ване Егорову 16 лет, с ним вместе его 13-летняя сестричка Ксюша.

Представьте: ночью у костра, после труднейшего и высокого перевала (Казнок — 4100 м), после горной болезни, оторванные от всего мира Фанскими горами, школьники слушают необычную историю.

— Снежный человек живёт здесь, около Куликолонских озёр, и его можно случайно увидеть... Но не принято у альпинистов тревожить его покой, и даже рассказывать об этом дома не надо. Об этом знают альпинисты, и довольно, — бубню я тихо у костра.

Через полчаса, когда костёр почти угас, меня стали вынуждать идти посмотреть «хотя бы издалека» на получеловека. А главный актёр в это время поднялся за скалы и в толстой пуховке готовился к роли. И вот мы, почти держась друг за друга от страха (гор не боимся, а Снежного человека боимся), тихо ступаем вверх. Вдруг грохот камней... и на фоне луны выступает далеко от нас огромного роста силуэт и уходит назад. Часа полтора позже, вернувшись в лагерь, мы единодушно согласились, что его рост около трёх метров.

Постояв в оцепенении, мы тихо сошли потрясённые. Видели своими глазами! Девочки не могли спать одни и попросили прислать в палатку кого-нибудь из мальчиков. Я им посоветовал Серёжу, т.е. исполнителя роли Снежного человека. Роль была сыграна иде-

ально, потому что в школе работал (и существует до сих пор) замечательный театр, который мастерством мог тягаться с профессиональными ленинградскими театрами. Вот такая была давняя история. Думаю, что кто-нибудь и до нас делал подобный же розыгрыш, да забыл признаться в этом: так и ходит теперь легенда о Снежном человеке (она же — о Чёрном альпинисте).

Ваня и Ксюша, те надёжные школьники, с которыми одолеется не только трудный перевал — хотя это тоже большое дело, они помогут задать тон настоящих, бескомпромиссных товарищеских отношений. Они делают здоровую погоду в группе. И таких прочных людей со стержнем немало сейчас в походе. Сергей, Настя Круглякова, Алла, Герд (бывалый походевик), Маша Валитова... а может, ещё кто из новеньких откроется. Каждый настоящий поход — это событие на всю жизнь, притом такое, что походные легенды останутся ещё и детям.

Первый перевал

Я отвлёкся на знакомство, а между тем впереди у нас перевал Чорргор! Перевал внушительен — нужен инструктаж. Проговариваем тактику прохождения. Внемлют, надо сказать, все. Идти нужно в колонне по одному, не разрывая дистанции. Расстановка людей поимённая, так чтобы около слабого был кто-то посильнее. Никаких разговоров. Вся колонна должна чувствовать друг друга и с полуслова понимать. Перевал труднее на подъёме, чем на спуске, но это по описанию. Наперёд предвидеть всё невозможно, обратная сторона северная и снежная — возможны сюрпризы.

Проходим пятна снега и уже двигаемся по морене. Есть качающиеся валуны, они круто навалены на склоне и могут поползти. Эти «живые» камни заставляют кого-то вскрикнуть. За мной идут младшие ребята и ещё Аня и Герд: вдрут

кого-то из младших понадобится сопровождать. Немного пополз камень, и Нине чуть придавил ногу. Бедная Нина! Папу её я заверял: будем идти по тропиночкам, ягоды... самый сезон. Над нами нависла плотная туча, перевал закрылся в тумане. Плохо, если пойдёт дождь, скалы станут скользкими. Перевал этот нам посилен, но как бы не перепугать малышку горами, не отбить охоту к походам: девочка очень живая, ей нужны походы, нужны настоящие друзья, проверенные.

Вся группа хорошо просматривается, и многим девочкам помогают юноши, которые половчее, у кого вестибулярное ощущение устойчивее. Пара человек несёт по два рюкзака, помогая неуверенным на шатких глыбах. Хорошо идут девочки, занимающиеся танцами: Лиза, Маша, Александра. Они не просто танцоры: Лиза и её сестра Маша — чемпионы мира! Паша замыкает всю группу. Николай Васильевич — где надо: шёл сзади, пока не подтянулся хвост, теперь на середине и уже фотографирует. Хорошо с мастером спорта в походе!

Через три часа после взлётного подъёма по морене мы достигли до перевальной точки. Положена шоколадка по традиции, а у нас только халва. Но выручает Александр. Ему 40 лет, он ходил в походы со мной, потом с директором нашей школы, затем самостоятельно; у него опыт, и он чтит традиции — делится припасенным шоколадом.

Спуск с перевала начинается осторожно. Скользим по снегу почти с километр, и на понижении многие уже катятся на ногах, на рюкзаках, на полиэтиленовых мешках. Ещё кусочек, где надо идти серпантинном и осторожно. Подходим к другому озеру. Перевал пройден. Время позднее, но ночи не будет. В Хибинах летом хорошо то, что не нужно переживать за темноту, которая может застать восходителей на перевале.

Топать до поляны ещё долго, может, километров пять. Сегодня все очень устали. Сойдя вниз, окунаемся в абсолютную сырость: воздух влажный, кругом ручьи, с веток течёт роса, каждый кустарник, чуть его коснуться, окатывает душем. Но температура воздуха летняя — около 18 градусов. Поляна тоже из-за низкого расположения дышит влагой. Дров

ЛЕТНИЕ ЛАГЕРЯ. ТЕХНОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

подходящих найти непросто. Но выручают ветераны: опыт — великое дело. Также большую кучу приносит Фёдор Ковязин; он из лесных краёв, из-под Кирова, любит лес и, кажется, полюбил походы.

Саша устраивает большое кострище. Когда-то мы семьёй ходили в поход по Алтаю. Целую неделю шёл проливной дождь, и Саша получил на кострах «алтайскую школу». Вода теперь у него закипает быстро, и мы варим два котла, так как за день нагуляли зверский аппетит. Лагерь поставлен, и все собираются кучей у костра. Я пытаюсь убеждать, что сушить на костре обувь бесполезно: на сон нужно переодеться в сухое бельё, а утром залезть в мокрые ботинки и согреться в ходьбе. К тому же завтра дальше идти сплошными лужами, по ручьям, по росе или болотцам. Ужин показался превосходным. А к чаю халва, джем, мёд, печенье — дома продукты не кажутся такими вкусными. Иногда родители предупреждают, какие продукты не едят их дети, например лук в супе или морковку. Их заботы смешные, но для отговорки я обещаю к этому вопросу подойти индивидуально.

Удивительно, что после ужина, несмотря на поздний час, ни в одном глазу даже у младших. Саша берёт гитару, затем Паша. Поём спокойно и как-то с единым настроением. Если поют один или двое, то все очень хорошо слушают. Уметь слушать — значит больше, чем уметь петь.

Утром почти рысцой проходим пять километров до базы Куэльпорр и на сегодня — отдых. По пути видели замечательный родник, вернее, много родников в одной песчаной чаше. Пополнили ключевой водой бутылки. Вода, кстати, где бы мы ни шли, кругом исключительно прозрачная. Это Хибины летом! Проходим по мосту через реку Кунийок, и, несмотря на ширину реки и бурный поток, вода в ней тоже как слеза.

База Куэльпорр в Хибинах

В Куэльпорр есть гостиница, несколько домиков и контрольно-спасательная служба (КСС). Начальником этой службы (начспасом) работает мой давний знакомый. Мы договорились, чтобы девочки наши две ночи ночевали в домике, а мужская часть встала в палатках в сторонке от базы. Во-первых, просушимся, а главное — попоём в доме без комаров. Комары достают ежеминутно: лето наступило поздно, и у них запоздалая активная пора и самый аппетит на туристов.

База КСС исключительно удачное место. Она существует с незапамятных пор и расположена в центре Хибин, чтобы удобно было выходить для спасательных работ. Кроме летних категорийных маршрутов, зимой здесь ещё ходят лыжники.

На турбазе нам пришлось внепланово подкупиться многими продуктами. Саша — завхоз, он начал дело за здоровье, а дальше пошло — за упокой.

— Эх, Саша! Думал, что не вылезет в походе то, как ты живёшь дома? Напрячься хорошо разом можешь, но ответственно повзрослому быть завхозом не получилось, — пилю я сына при всей группе.

Саша не соглашается, и у него есть адвокаты. Они его защищают не первый раз от меня — друзья же. К тому же Саша — обаятельный парень и ему есть кому посоветоваться. В их глазах я слышу слишком строгим родителем.

— Обидно же, когда тебя часто упрекают, — заступается Аня. По глазам видно, сочувствуют Саше Алла и даже Пьер. И вдруг кто-то спросил, почему папа к младшему сыну относится строже, чем к другим своим детям?

У Паши, старшего брата, загораются глаза и на лице озорная улыбка, он не может без подвоха:

— А пусть Саша ответит на этот вопрос сам.

Саша напрягается, потом широко улыбается и сознаётся:

— Папа и ругает меня больше и больше, чем всем, прощает.

Сочувствующие тоже расцвели. Но этим вопрос не исчерпывается: надо, чтобы хоззяйство было отлаженным. Я продолжаю давить на Сашу.

— А для чего завхоз? Ты упрекаешь меня в том, что я лишая дежурных и завхоза инициативы и что не я, а ты должен отвечать за продукты. Так отвечай! Но продуктов не хватило, и мы их покупаем. А если бы не было возможности их докупить? Разве я не отвечаю за качество похода в целом, если ты подрастаслабился? — Саша сдаётся и признаёт аргументы.

Можно было добавить ко всему ещё, что Сергей, лучший друг Саши, тоже уносится временами в озорство и что друзья оба с налётом инфантильности. Друг старается быть ответственным и всё-таки иногда «прокальвается»: любит хохотнуть не в меру, поддержать неуместную шуточку. Но подростковое самолюбие иногда нужно пощадить, я разок взглянул на него строго, и он — всё понял. Сергей уважительно относится ко мне. Это отношение ему привила мама, поскольку я её бывший учитель. Мама, к месту сказать, дружит с моей женой, и мы вне походов перебираем нередко косточки свои детям. В основе Сергей — восприимчивый и достаточно тонкий, понимающий человек, одновременно он быстро на всё заводится. Натура его ещё не однажды пораскачивает в разные стороны. Дружат всё равно наши дети хорошо. И после похода, кроме Сергея и Саши, поедут дальше путешествовать вместе ещё Алла и Герд; они самостоятельно едут в Крым на две с половиной недели. И там тоже у них маршрут. По большому счёту, мы живём в пору, когда многие человеческие понятия

девальвированы. Большинство школьников не знает дружбы и не подозревает, что это такое. Поверхностность отношений задаётся в обществе всем тоном общей лживости жизни. Вообразите: работодатель и его наёмный рабочий — друзья, или реклама не торговщески-лживая, или бизнесмен не эгоистичен и преследует поровну и свою наживу, и пользу другим. Как говорится, бытие определяет сознание. И у людей вместо дружбы — голая вежливость и политес. Виртуальное общение тоже мало способствует настоящей дружбе. Наше скаредное общество устроено на основе потребительства, за которым стоят власть денег, продажничество, эксплуатация одних другими, и всё это освящено словом «бизнес». Под стать обществу организована убогая школа (одинаково немецкая и российская). И можно радоваться, что в весьма нездоровой среде ещё кто-то находит дружбу. В нашем походе настоящая дружба сложилась у многих ребят, и, может быть, этим запомнится им больше всего Петербург и Кольский полуостров.

У нас всего шесть ходовых дней. По плану сегодня мы должны идти без рюкзаков в радикальный выход к ущелью Рисчорра до перевала и обратно. Вчера с вечера, также сегодня утром многие старшие бегали купаться в быстро-бегущую речку. Воды в ней много от тающего льда. Купание оглашается визгами, но почти все вошли во вкус моржевания. Ночью я тоже иду купаться и вдруг вижу: выбегают двое из бани и прыгают в воду. Это Ярослав и Пьер, которые, надо сказать, быстро сориентировались. Баня платная, по заказу только для отдыхающих в гостинице. А после отдыхающих и они туда подались. Ну что ж, молодцы, зачем зря бане остывать.

Уже на тропе во время привала я пытаюсь шутить:

— Вы знаете, мне сон приснился, как будто мне не спится и я пошёл в реку купаться. А рядом баня, и из неё вдруг выбегают двое и прыг в воду, но не выныривают.

Почти полгруппы расхохоталось. Стало понятно, что не два человека попарились с вечера.

В ущелье Рисчорра иногда поднимаются группы из гостиницы, и тропа здесь более-менее

ЛЕТНИЕ ЛАГЕРЯ. ТЕХНОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

натоптана. Без рюкзаков идётся легко, и народ беседует. Рядом ступает Иванов Саша. Спрашиваю его, нравится ли ему, взрослому, в школьном походе?

— А знаете анекдот? Мужик поехал в отпуск покататься на горных лыжах. Скользит по снегу, радуется и вдруг врезается на всей скорости в сосну. Под глазом синяк, выплюнул пару зубов, держится за ребро. К нему спустились друзья, охают, сочувствуют. Спрашивают, как он себя чувствует. Тот выплюнул ещё зуб и отвечает: «А всё равно лучше, чем на работе».

Саша шутит всегда. Он добряк, его в группе любят. Лет 25 прошло с его первого похода в нашей школе. Мы многих вспомнили. Да и родителей некоторых из ребят он ещё со школы знает. Спрашиваю, почему у любителя гор дочь только в 17 лет первый раз в поход собралась?

— Не хотела. Ездил на море с мамой, а сейчас я её убедил тем, что есть ещё такая сторона жизни, которую, чтобы оценить, нужно испытать.

Алёна только окончила школу, подала документы в университет и, кажется, удивляется сейчас, как это она раньше упускала возможность жить гуще. Она что-то рисует в записной книжке, читает только классику и выглядит немного барышней из XIX в. Мы с ней философствовали ещё вчера. С ней приятно разговаривать, потому что она искренняя, но, наверно, чуть-чуть витает в облаках. В 17 лет, пожалуй, это допустимо: взрослая жизнь вот-вот начнётся и многое развеет. Думаю, и поход такому восприимчивому человеку не только сильно западёт в душу, но и поможет уяснить приближённое к жизни мировоззрение.

Алёна подружилась с Мартой Вейгандт. У Марты ничего нет немецкого, кроме фамилии и имени; она суровый реалист

и хорошо дополняет в дуэте романтическую Алёну. Занималась Марта много лет в цирке, выступала воздушным акробатом, и ей много раз аплодировала питерская публика. В младшем возрасте она могла дома завязываться в узел, крутить курбеты и сальто, а соседи сокрушались, что над ними живут две балерины — мама и дочка. Невообразимая буйность дочери начала успокаиваться к 17 годам, и в ней появилась рассудительность. О том, что поступила в университет, Марта узнала уже в нашем походе. Это второй её поход, а первый был в 8 лет. В том первом походе хулиганке группа дружно поставила «двойку» на подведении итогов, а в этом скажу, забегая наперёд, оказалась единодушная «пятёрка». Мама Марты тоже моя школьница, у неё были походы в Крым, на Алтай, в Карпаты... Позже Вейгандты-родители много путешествовали сами, а со мной в моих взрослых группах были в Индии, Намибии, Индонезии, Перу и т.д. К Вейгандтам я приезжаю не в гости, а как домой. Мне родители всегда рады, потому что Марта будет вести себя тихо. Теперь дочь выросла и почти преобразилась. Я у них в семье гощу как родственник, а с Константином-папой мы понимаем друг друга с полуслова. Нас обоих одинаково интересовало, захватит ли Марту поход.

Уже второй день, когда мы идём по нетрудной тропе, несколько человек выясняют, есть ли Бог на свете. Подбадривает тему студент Паша. Он ещё в школе пугал нас, родителей, книгами, которые читал: Кант, Фейербах, Гегель, Маркс, — хотя мама предлагала ему Пушкина и даже однажды Гарри Поттера. За Поттера уже я со всеми в семье расскандалился: почему надо идти на поводу у моды и заодно у поверхностности. Ни я, ни мама не свернули Пашу со своего пути. Спорящим на маршруте мне хочется предложить тему помягче.

— Нет, нет, Вы, Владимир Александрович, не мешайте нам, — говорит один из старших школьников, чьи родители посещают церковь. Я воображаю, что скажут мне родители после похода.

Может быть, сейчас, пока мы идём по тундре, ребята общаются лучше всего. Темы необязательно развиваются только философские. В ущелье Рисчорра лежит длинной полосой снег, и здесь, на перевале, мы фотографируемся с флагом Русского географического общества, который я беру с собой в путешествия. На первом перевале, после карабканья по скалам, было не до фотографий. Вниз спускаться, можно сказать, было прогулкой. Но аппетит все нагуляли: ходили около шести часов. Дежурные по возвращении наварили два котла густого супа.

Второй вечер поём в домике, где не мешают комары. Хорошие песни, какие-нибудь рассказы — и пролетают задушевные часа три, не меньше. Но вчера вдруг на песню являются гости с пьяными физиономиями. Одна малышка запишет в наш общий дневник: «От них пахнет неприятно».

Приехал какой-то МЧС-ник в спасательную службу с проверкой, ну а после проверки, как полагается у вояк, хорошо выпили... Мы поём, а он умничает и важничает:

— А зачем вы ходите, а то нам таких спасать приходится? А врач у вас есть?

Червоненко вслух хохмит:

— Не комары, так МЧС-ник!

У меня есть приём. Нужно сказать самую крайнюю небылицу и тебе поверят: так делают часто журналисты по телевидению. Уже наедине с проверяющим я сказал ему, что Шойгу, бывший их министр, мой приятель, ну и родом я из Тувы. Для подтверждения показал военному удостоверение действительного члена Русского географического общества. И он, кажется, поверил: больше не мешал.

Сегодня у нас другие гости — званые. Это туристы, которые живут в гостинице и делают отсюда радиальные маршруты. А симпатичная девушка, их инструктор,

играет на гитаре и знает много туристских песен. Гостей было, может, человек десять, и мы пели двумя компаниями поочередно.

Домик нам запомнится не меньше, чем маршруты. С утра около него за большим столом на поляне играют наши шахматисты. Несколько человек рассматривают огромную карту Хибин, которая вывешена по стене другого домика — здания спасслужбы. Младшие мальчики начинают носиться около стола. Глеб старается держаться смирно, не так, как его несло в двух предыдущих походах. Помогает держаться ему родственник, 17-летний Фёдор. Но сегодня Глеб заигрался. В КСС живёт крупный пёс. Народу бывает здесь немало, и у собаки воспитан мирный нрав. А у Глеба нрав доставучий. Вместе с Игорем они долго дразнили пса. Девочки из жалости просили оставить в покое животное; я тоже ребят пытался воспитывать, но не помогло. И собака, видимо, отчаявшись, хорошо тяпнула Глеба. Но руку, слава богу, не прокусила. Воспитание действовало сразу на всех младших мальчиков. Надо сказать, когда появляется больше свободного времени, то не всем это во благо.

Куэльпорр — хорошая базовая точка, чтобы организовать на выход к новому перевалу. Здесь в окрестностях немало красивых озёр. Хорошо ими любоваться, фотографировать и идти дальше по ручьям. Мы переходим речку Петрелиуса, ещё километра три идём по лесу и опять выходим в тундру. Природа преобразается, пока светит солнце, но погода переменчивая. Впереди перед нами массив Юдычвумчорр, где расположена высшая точка Хибин (всего-то 1200 м). Всё же в Хибинах нельзя быть самонадеянным, здесь много обрывистых стен и перевалов, и это Заполярье.

Второй перевал

У нас по плану перевал Восточный Петрелиуса. Подъём на него довольно плавный, он даже расслабляет. Тундра тянется долго, мы делаем привалы и идём по мягкому лишайнику-ягелю. Ягель в тундре — любимая еда оленей зимой, которую они откапывают из-под снега. Мягкая, как подушка, почва переходит в каменистую морену. На камнях местами лежит оставшийся с зимы снег. Чем выше, тем плот-

ЛЕТНИЕ ЛАГЕРЯ. ТЕХНОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

нее стягиваются облака, которые давят своей тяжестью. Ещё поднимаемся, и хвост нашей колонны пропадает в тумане. Туман накрывает плато, тучи скользят по перевалу, становится сыро, и поднимается ветер. Мы осязаем процесс перехода одного вещества в другое: туман, капли дождя и град посыпают нас с порывами ветра. На седловине перевала сильно сифонит мокрый ветер, а спуск сразу изумляет всех крутизной. На спуске обязательно понадобится верёвка. Или нужно вернуться обратно, потом снова идти долго на подъём и перейти перевалом Западным Петрелиуса, который положе. Осенью Восточный Петрелиуса классифицируется как 1Б. Это лето можно считать за осень по количеству снега и сложности перевала. Делаем неудобный привал, чтобы оценить обстановку. Николай Васильевич готовится навешивать верёвку. Его лучше всего здесь и представить.

Николай Червоненко. В 1995-м мы с женой собрались в большую поездку через всю Азию. И просили друзей взять к себе Пашу, нашего 2-летнего сына на неопределённое, но долгое время. Бабушкам на воспитание отдавать ненадёжно — избалуют, а Червоненки даже обрадовались: у них тоже есть дочь, только постарше, будет приглядывать. И вот 2-летний ребёнок летит один в Алма-Ату из Гамбурга... и как-то это получилось. Но это отдельная история.

Прошло полгода. У Лены, моей жены, сердце кровью обливается, она рвётся в Алма-Ату. Мы на самолёте прилетаем из Непала в Казахстан и видим своего ребёнка удивительно хорошим — лучше, чем отдавали. В этом походе на Кольском собрались и Коля, и его дочь Катюша, и Паша — замученный информатикой студент. А мне-то как радостно встретиться с другом!

Коля строгий, сдержанный, молчаливый; для окружающих, может, и кажется

суровым. При этом всем неглупым с ним очень легко. Он известный альпинист Казахстана и яркий прототип советского альпинизма. Сильнейшие восходители в СССР получали ещё символическое звание «Снежный барс» за восхождения на пять семитысячников. Эти восхождения проводятся, как правило, летом, потому что зимой на таких высотах Памира и Тянь-Шаня свирепствуют холод и ураганы, похожие на светопреставление. Николай — автор и руководитель ряда восхождений на титул «Зимнего Снежного барса». Иногда же он отправляется отдохнуть в мои поездки: мы были вместе в пустыне Такла-Макан и на китайском Памире, в Индийских Гималаях и даже на восхождении в Эфиопии (Рас Дашен — 4630 м). А сейчас ему захотелось развеяться в Хиби-нах в многочисленной группе школьников.

У нас много знакомых альпинистов; мы перебираем плеяду оригинальных людей, с которыми дружили, тренировались. Среди них тогда был скромный, даже не мастер, а кандидат в мастера спорта — Анатолий Букреев. Это имя известно теперь всему мировому альпинизму, а после недавнего фильма «Эверест» о нём знают даже школьники нашей группы. У Анатолия мы были с Николаем дома за полгода до его смерти и после злополучных событий, по которым поставлен фильм. Фильм, конечно, голливудский, с эффектами и привираниями. Хотелось, чтобы Николай рассказал ребятам о Букрееве достовернее. Для справки скажу здесь, что Анатолий Букреев 21 раз поднимался на восьмитысячники без кислорода (восьмитысячников в мире — 14) и под Эверестом в ураган спас жизни трём восходителям — единственный случай спасательных работ в истории мирового альпинизма на высоте выше 8 тысяч метров.

Вернёмся к нашему перевалу Восточный Петрелиуса на Кольском полуострове. Ветер и дождь бодрит всю нашу группу, и никуда не укрыться. Коля вяжет «булинь», навешивает верёвку от уступа, и я тихонечко начинаю сопровождение каждого участника

по крутому снежному склону. Нужно спуститься по верёвке на 30 метров ниже и из ребят посильнее организовать накопитель для всех спустившихся. И чтобы там тоже никто не зазевался и не ухнул вниз. Может, пара человек оказались в первый момент слабонервными, они паникуют. Почти каждый второй, кто боится на верёвке, срывается на скользких ступенях. Их нужно удерживать. Ступени на снегу рушатся, мы их рубим рантом ботинок, и очередь за следующим. Работа налаживается, спустилось, наверное, человек шесть, и Червоненко сбегает уже пониже, чтобы наш подвиг сфотографировать. И в этих горах он собран, как на семитысячнике, всех и всё видит, фотографирует группу и заодно указывает уже внизу, кому и как помочь.

Очерёдность и слаженность у нас уже выработаны. Спускается младшая Нина. Она боится, но очень хорошо чувствует, что волю сейчас нужно собрать. Погода ухудшается, и одновременно открывается потрясающая панорама на горизонте.

— Нина, смотри, дыра в небе открылась. Это наша надежда и удача, как в картине «Девятый вал»!

Нина кивает, дрожит от холода, боится спуска и с широко открытыми глазами восхищается красотой. Через разорванные облака солнце режет лучом долину. Контраст свинцовых облаков, синевы кусочка неба, пронизывающих лучей солнца вдали и зелёных полей тундры необыкновенный. Эх, фотоаппарат бы! Да до него ли, ещё человек 20 нужно спустить. Перемена погоды происходит резко, и мы то окунаемся во мрак, то перед нами контрастные картины Куинджи. Нет, не Куинджи: ни одному великому мастеру кисти не воспроизвести величие природы!

Этот рассказ не дописан. Я его писал по следам дневника, который вёл второпях, и в нём невозможно представить всех участников уже потому, что нас много. В рассказе есть намёк, что не всё было

гладко в путешествии. Но было так много дружбы, взаимопомощи, красивой природы, задорного смеха и хорошего влияния похода на всех без исключения, что не стоит трогать некоторые малодушия.

* * *

В таком виде этот рассказ я опубликовал в 2017 г. у себя в соцсетях и на своём сайте. Почему не последовало продолжения? Закружили новые события. И ещё одно обстоятельство. В походе проявляются не только лучшие характеры, но и тяжёлые, и об этом трудно писать, чтобы герои не узнавали себя. А без всех проявлений картина неполная. Кроме всего, мне хотелось сделать специальное исследование, исходя не из одного, а из многих путешествий, походов, восхождений. Наблюдений накопилось много, за сотни маршрутов по разным странам. И обобщений тоже. Этот поход в Хибинах не собирал множество трудных характеров, да и состав группы оказался настолько стойким и надёжным, что немногие полуэгоисты никак не могли повлиять на общую атмосферу в сильной группе.

Напомню, что мы одолевали трудный перевал в непогоду и ещё раз посмотрели друг на друга в деле. Спуск завершился благополучно. Потом долго ещё шли по красивейшей долине вдоль речки Малая Белая. Ночлег нашли на живописной поляне. А на другой день со станции Хибин на поезде отправились в Санкт-Петербург. В поезде и Петербурге мы пели лучше, чем во все прошедшие дни.

ЛЕТНИЕ ЛАГЕРЯ. ТЕХНОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

*Север, воля, надежда — страна без границ,
Снег без грязи, как долгая жизнь без вранья.
Вороньё нам не выключает глаз из глазниц,
Потому что не водится здесь воронья.*

В. Высоцкий

Прощание петербургских школьников с гамбургскими было слёзным. В самолёте все мои путешественники два часа промолчали. В аэропорту идём получать багаж. В большом зале пассажиров забирает в объятия видеореклама: на громадном ярко-цветном экране бежит толстый мужчина в трусах и трясёт всеми своими жирными частями тела. Съёмка сделана замедленная, приближённая и на красочном фоне, чтобы рекламная сцена всеми была замечена и лучше западала в мозги. В ожидании багажа я записал последнюю фразу в дневник: «Мы въехали в мир уродства». Нас встречала цивилизация, от которой мы отдохнули в походе. В путешествии мы создали себе другой мир. Мы сняли с себя тот налёт фальшивости жизни, к которому все привыкают. Теперь мы вернулись в обычную жизнь.

На выходе нас встречали родители. Мы встали в круг и спели им нашу походную песню. **НО**

Фотографии о походе можно посмотреть по ссылке http://www.snatenkov.ru/gallery/main.php/v/outdoor/russia_2017/

Travel To St. Petersburg And The Kola Peninsula (Traveler's Notes)

Vladimir A. Snatenkov, traveler, full member of the Russian Geographical Society, has visited more than 150 countries around the world, St. Petersburg

Abstract: A story about a school trip, in which friendship is born, kindness and mutual assistance are manifested, character is tempered.

Keywords: travel, bureaucracy, children's tourism, friendship, mutual assistance, camaraderie.